Воспоминанія.

Переводъ съ рукописи Карла Каутскаго.

Русскіе товарищи просили меня написать для нихъ мою автобіографію. На это я не могъ согласиться. Взятая въ отдѣльности, моя особа не представляется мнѣ настолько достопримѣчательной, чтобы стоило заниматься ея судьбой. Исторія развитія тѣхъ сторонъ жизни нашей партіи, въ которыхъ я участвовалъ, изображеніе тѣхъ личностей, съ которыми вступалъ въ сношенія, могли бы правда представить много поучительнаго; но для такого рода воспоминаній у меня не хватаетъ ни времени, ни спокойствія. Наши силы до такой степени поглощены борьбой за будущее, что на изображеніе прошедшаго не остается почти ничего.

Но въ моемъ прошломъ есть воспоминанія, бросающія свѣтъ на нѣкоторыя явленія настоящаго времени, и я охотно подѣлюсь ими съ русскими товарищами, если они удовлетворятся моими бѣглыми набросками.

Я родился въ Прагѣ 16 Октября 1854 года въ международной семьѣ: мой отецъ былъ чехъ, моя мать нѣмка, и оба въ свою очередь произошли отъ такихъ-же смѣшанныхъ браковъ.

Мое происхожденіе предрасполагало, такимъ образомъ, къ интернаціонализму, но, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, я началъ, тѣмъ не менѣе, съ націонализма. Въ 1863 году мои родители переселились въ Вѣну, населеніе которой, по части чехоненавистничества, превосходило въ то время самое себя. Въ школѣ меня преслѣдовали какъ чеха, и въ видѣ отпора я не могъ не чуждаться окружавшей меня среды и не презирать ее.

Я упоминаю здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно имѣетъ, какъ мнѣ кажется, не одинъ только личный интересъ. Присмотрѣвшись поближе къ элементамъ, приходящимъ къ соціаль-демократіи изъ буржуазіи, мы увидимъ, что огромный процентъ среди нихъ составляютъ выходцы изъ буржуазныхъ слоевъ, по той или иной причинѣ не полноправныхъ въ своей собственной средѣ.

Въ Германіи и Австріи, напримѣръ, большинство соціалистовъ изъ буржуазной среды — евреи.

Но какъ разъ въ тѣ годы, когда начиналось мое политическое развитіе, не евреи, а волновавшіеся чехи были въ Австріи наиболѣе угнетеннымъ и преслѣдуемымъ элементомъ. Въ каждомъ чехѣ таились тогда зародыши государственнаго преступленія и оскорбленія величества, каждый лелѣялъ традиціи Гусситовъ. Не мудрено, что разрушеніе Австріи и Чешская республика стали моимъ идеаломъ.

Началась война 1870 года. Мои симпатіи, какъ и симпатіи всѣхъ чеховъ, принадлежали Франціи. Но въ мартѣ, при извѣстіи о парижскомъ возстаніи, революціонный инстинктъ заставилъ меня перенести ихъ цѣликомъ на коммуну. Ея геройское паденіе произвело на меня глубочайшее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ я съ жадностью читалъ все, что могъ достать о соціализмѣ, въ особенности французскомъ, а также о французской революціи. Рядомъ съ этимъ на меня сильно вліяли Бёрне, Гейне, Милль, Бокль, Дарвинъ и нѣмецкіе дарвинисты Геккель и Бюхнеръ.

Въ 1874 году моей выборъ былъ сдѣланъ, я рѣшилъ присоединиться къ Австрійской соціаль-демократіи и предложилъ ей свои услуги. Во время студенчества мои статьи въ партійной прессѣ, какъ нѣмецкой, такъ и австрійской, были анонимны или подписаны псевдонимомъ („Symmachos“).

Австрійская соціаль-демократія переживала въ то время критическій моментъ. Промышленный кризисъ совершенно обезсилилъ рабочія организаціи. При этомъ въ самой партіи шла ожесточенная борьба. Та же самая противоположность двухъ направленій, проникшая теперь во всѣ соціалистическія партіи, уже тогда раскалывала на два лагеря австрійскую соціаль-демократію. На одной сторонѣ стояла фракція *Обервиндера*, придававшая первостепенное значеніе хорошимъ отношеніямъ съ либеральной буржуазіей и рекомендовавшая ограничиться лишь такими задачами, которыя обѣщаютъ мгновенный успѣхъ; въ противоположность Обервиндеру фракція *Шея* высоко держала революціонное знамя и утверждала, что распространеніе соціалистическихъ идей и пробужденіе народныхъ массъ важны никакъ не менѣе практическихъ успѣховъ.

Ни минуты не колеблясь, я присоединился къ Шею, не по сознательному убѣжденію, а по революціонности моего настроенія.

Настало время объединеній. Въ Германіи, гдѣ лассальянцы расходились съ Эйзенахцами, не столько въ принципіальныхъ и тактическихъ вопросахъ, сколько во взглядахъ на форму организаціи, разрушеніе лассальянской организа-

ціи прусскимъ правительствомъ привело къ объединенію (1875 г.). Въ Австріи къ нему привело постепенное исчезновеніе вожаковъ оппортюнизма изъ рядовъ партіи и ея собственная слабость, при которой всякая практическая политика, всякая дѣятельность, кромѣ пропаганды, казалась немыслимой въ ближайшемъ будущемъ. Но противоположность направленій въ сущности не исчезла, и борьба снова разгорѣлась, какъ только явилась возможность практической дѣятельности. Новый разрывъ ступевался предъ событіями въ Германіи, ослабившими тѣсную связь, существовавшую между австрійскими и нѣмецкими соціальдемократами до изданія закона противъ соціалистовъ. До октября 1878-го года соціаль-демократическая партія Германіи была для насъ, австрійцевъ, путеводной звѣздой, которой мы довѣряли больше, чѣмъ самимъ себѣ. И она-то, казалось намъ, вдругъ погасла. У насъ въ Австріи получилось такое впечатлѣніе, будто нѣмецкая соціаль-демократія пала подъ ударами исключительнаго закона, оказалась не на высотѣ положенія. Въ нашихъ рядахъ недовольство отсутствіемъ сопротивленія мѣрамъ Бисмарка со стороны нѣмецкихъ соціалистовъ было всеобщимъ. Радостно привѣтствовали мы, какъ первый признакъ возмущенія, основанную въ Лондонѣ „Freiheit“, въ которой Мостъ, безпощадно изобличая позорное хозяйничанье правительства, не щадилъ также и товарищей по партіи. Мы отъ души соглашались съ нимъ. Что я тоже началъ сотрудничать во „Freiheit“, это само собою разумѣется.

Еще до исключительнаго закона я закончилъ свое первое сравнительно большое произведеніе, вышедшее подъ заглавіемъ: „Вліяніе размноженія населенія на общественный прогрессъ“. Въ существенныхъ пунктахъ оно было направлено противъ Маркса. Я присоединился къ партіи не какъ сознательный марксистъ, а какъ полусознательный революціонеръ и чрезвычайно опасался подпасть подъ вліяніе какаго нибудь „авторитета“ или „школы“. Съ недовѣріемъ приступилъ я къ изученію Маркса и Энгельса и чѣмъ меньше понималъ ихъ, тѣмъ выше поднимался въ своихъ собственныхъ глазахъ надъ ихъ „односторонностью“ и тѣмъ сильнѣе чувствовалъ потребность ихъ критиковать. Съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось наблюдать то же явленіе на сотняхъ экземпляровъ; не мудрено поэтому, что я до нѣкоторой степени закаленъ уже противъ такаго рода побѣдъ надъ Марксомъ и вижу признаки дѣтской болѣзни, свойственной студентамъ соціализма, въ томъ, что въ глазахъ самихъ паціентовъ является результатомъ ихъ научной зрѣлости. „Превзойти“ Маркса

несравненно проще, нежели понять его, и я тоже началъ съ этой болѣе легкой задачи.

Къ услугамъ партіи имѣлось тогда два научныхъ изданія „Neue Gesellschaft“ и „Zukunft“. Послѣднее считалось даже непосредственнымъ органомъ партіи. Но Маркса редакціи обоихъ органовъ, по ихъ мнѣнію, уже „превзошли“.

Я не участвовалъ ни въ одномъ изъ этихъ изданій, такъ какъ при всемъ моемъ критическомъ жарѣ, партійная пропаганда казалась мнѣ важнѣе критики. При этомъ я и тогда уже думалъ, что для дальнѣйшаго критическаго развитія теоріи нужны книги, а не журнальныя статьи на текущія темы. Самымъ слабымъ пунктомъ нашей теоріи я считалъ ея отношеніе къ теоріи Мальтуса. Пополнить и укрѣпить ее съ этой стороны казалось мнѣ важнѣйшей теоретической задачей, которой я посвятилъ, какъ выше упомянуто, свою первую книгу.

Но не смотря на мою антипатію къ „авторитету“ Маркса, въ двухъ существенныхъ пунктахъ я и тогда уже стоялъ на его точкѣ зрѣнія.

Первымъ изъ этихъ пунктовъ было убѣжденіе, что освобожденіе пролетаріата можетъ быть достигнуто лишь имъ самимъ въ борьбѣ противъ всѣхъ имущихъ классовъ. Этотъ взглядъ вполнѣ соотвѣтствовалъ моимъ революціоннымъ инстинктамъ, а также и тому политическому опыту, который можетъ дать Австрія, гдѣ либерализмъ и буржуазная демократія менѣе способны къ борьбѣ и стоятъ ниже, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Вторымъ пунктомъ было марксистское пониманіе исторіи. Въ университетѣ я набросился на исторію и въ то же время увлекался дарвинизмомъ. Ввести дарвинизмъ въ исторію стало моимъ идеаломъ. Еще студентомъ, я составилъ планъ, никогда не вышедшій, правда, изъ зачаточнаго состоянія, написать всемірную исторію, руководящей нитью которой служила бы борьба за существованіе расъ и классовъ. Мои взгляды имѣли много общаго съ „Борьбой расъ“ Гумпловича, появившейся въ 1883 году. Но, какъ соціалистъ, я не могъ остановиться на борьбѣ расъ, какъ на исключительномъ двигателѣ исторіи. Я не могъ проглядѣть такого двигателя, какъ экономическое развитіе, образующее классы и обусловливающее ихъ борьбу. По мѣрѣ моего ознакомленія съ исторіей экономическаго развитія, дарвинистская, чисто зоологическая борьба за существованіе расъ отступала въ моемъ пониманіи на задній планъ предъ соціальной марксистской борьбой классовъ.

Такимъ образомъ я сдѣлался сперва марксистомъ въ качествѣ историка, оставаясь какъ соціалистъ еще тѣмъ же эклектикомъ, какими мы всѣ тогда были, съ тою лишь разницею, что къ моему лассаліанизму, составлявшему въ то время въ Германіи и Австріи теоретическую основу соціализма, примѣшивались нѣсколько устарѣлые, но проникнутые духомъ великой революціи, французскіе элементы — Луи Бланъ, Бланки и даже Руссо, тогда какъ Дюрингъ, произведшій сильное впечатлѣніе на нѣмецкихъ студентовъ соціалистовъ, былъ мнѣ всегда антипатиченъ, а у Альберта Ланге, тоже сильно вліявшаго на нѣмецкихъ „интеллигентовъ“, меня интересовали лишь его попытки ввести дарвинизмъ въ соціализмъ, философія-же и этика этого писателя для меня, какъ революціонера и матеріалиста, были не привлекательны.

Между тѣмъ время моего ученья кончалось, и приходилось выбирать профессію. Я подготовлялся къ академической карьерѣ лишь повинуясь нуждѣ, въ противорѣчіи со всѣми моими стремленіями, дѣлавшими для меня ненавистнымъ всякое оффиціальное положеніе и привлекательной лишь работу для партіи. Не мудрено, что при первомъ же удобномъ случаѣ, я превратилъ эту работу въ свою единственную профессію и забросилъ съ легкимъ сердцемъ всякіе помыслы объ академической карьерѣ.

За „годами ученья“ (Lehrjahren) наступали для меня „годы странствія“ (Wanderjahren), которые и въ настоящее время не кажутся мнѣ законченными.

По странной волѣ случая послѣдній толчекъ въ этотъ рѣшительный для меня моментъ я получилъ отъ противника марксизма, молодого, богатаго ученаго, Карла Хёхберга. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ присоединился къ нѣмецкой соціальдемократіи и, полный энтузіазма, отдавалъ ей, не только себя, но и свое значительное состояніе. Имъ издавался уже упомянутый мною „Zukunft“.

Разстроенное здоровье заставило его незадолго до исключительнаго закона переѣхать въ итальянскую Швейцарію. Въ качествѣ частнаго секретаря его сопровождалъ молодой банковскій служащій, Эдуардъ Бернштейнъ. Въ Лугано они встрѣтили Бенуа Малона, эмигранта коммунара, стоявшаго въ Интернаціоналѣ на сторонѣ Бакунина. Ко времени встрѣчи съ Хёхбергомъ въ головѣ Малона начала образовываться та смѣсь мирнаго анархизма, марксизма и катедеръ-соціализма, изъ которой сложился впослѣдствіи его „Socialisme intégral“. Не знаю, кто на кого сильнѣе повліялъ въ Лугано: Малонъ

ли на Хёхберга и Бернштейна, или они на него, по всему вѣроятію вліяніе было обоюднымъ.

Удаленіе изъ Германіи не ослабило интереса Хёхберга къ дѣламъ партіи и не уменьшило его готовности отдавать ей свои средства. Если разстройство партіи подъ ударами закона противъ соціалистовъ было не такъ полно, какъ можно было опасаться, то не малая доля заслуги въ этомъ принадлежитъ Хёхбергу. Всюду, гдѣ требовалась помощь, — онъ помогалъ.

Весной 1879 года онъ вмѣстѣ съ Бернштейномъ и Малономъ переселился изъ Лугано въ Цюрихъ, чтобы отсюда помогать стѣсненной партіи также и посредствомъ печати. Лѣтомъ 1879 года онъ издалъ первый томъ своихъ „Jahrbuch für Socialwissenschaft und Socialpolitik“, подъ фирмой нѣкоего доктора Рихтера; онъ же редактировалъ изъ Цюриха выходившія въ Лейпцигѣ „Staatswissenschaftliche Abhandlungen“, періодическое изданіе, посвященное соціальнымъ реформамъ, при подставномъ редакторѣ докторѣ Зейффертѣ. Законъ противъ соціалистовъ требовалъ такихъ уловокъ. Наконецъ онъ-же далъ партіи возможность основать за границей собственный органъ, въ противовѣсъ мостовской „Freiheit“, именно „Соціаль-демократъ“, начавшій выходить съ осени 1879 года.

Для этихъ предпріятій Хёхбергъ нуждался въ литературныхъ силахъ, найти которыя было въ то время не такъ-то легко.

Законъ противъ соціалистовъ уничтожилъ, правда, многочисленные органы партіи и оставилъ ихъ редакторовъ безъ заработка; но тотъ же законъ отпугнулъ отъ соціаль-демократіи „интеллигенцію“. Однихъ наиболѣе безхарактерныхъ изъ соціалистическихъ писателей онъ толкнулъ въ лагерь буржуазіи, другіе въ поискахъ за заработкомъ уѣхали въ Америку, изъ молодыхъ писателей, оставшихся вѣрными партіи и не пожелавшихъ покинуть Германію, многіе считали нужнымъ хоть на время стушеваться, чтобы не компрометтировать себя партійной дѣятельностью. Поэтому писатели, оставшіеся на службѣ партіи, были завалены работой, не успѣвая удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Этому недостатку литературныхъ силъ я приписываю мысль Хёхберга обратиться въ Австрію и пригласить меня къ себѣ въ Цюрихъ, въ качествѣ постояннаго сотрудника въ его партійныхъ изданіяхъ.

Возможность расширить свой горизонтъ, ставъ въ тѣсныя сношенія съ большой нѣмецкой партіей, и посвятить всѣ свои силы партійной дѣятельности, сдѣлавъ изъ нея свою

единственную профессію — все это было слишкомъ привлекательно, и я тотчасъ же отвѣтилъ согласіемъ.

Правда, мои взгляды были діаметрально противоположны взглядамъ Хёхберга. Революція и классовая борьба были ему ненавистны. Онъ хотѣлъ привлечь къ соціализму, если не всю буржуазію, то ея значительную часть и считалъ, поэтому, необходимымъ избѣгать всего, что могло бы испугать этихъ будущихъ соціалистовъ. Матеріалистическій взглядъ на исторію представлялся ему чѣмъ-то чудовищнымъ.

Но какъ ни противна была Хёхбергу борьба съ буржузіей, раздѣленіе въ собственныхъ рядахъ было еще противнѣе. Онъ по самой природѣ своей не былъ борцомъ, а исключительныя обстоятельства не допускали большой разборчивости въ выборѣ сотрудниковъ. Необходимо было соединить противъ общаго врага всѣ наличныя силы. Такъ и поступилъ Хёхбергъ. Онъ не сдѣлалъ ни одного возраженія противъ передачи редакціи Соціаль-демократа Фольмару, принадлежавшему тогда къ лѣвой сторонѣ партіи, и вызвалъ меня въ Цюрихъ, несмотря на мои откровенно выражаемыя симпатіи къ мостовской „Freiheit“. Эти симпатіи, впрочемъ, ко времени переселенія въ Цюрихъ уже начали ослабѣвать, такъ какъ Мостъ, все болѣе и болѣе взвинчивая свой радикализмъ, сталъ доходить до абсурдовъ, завершившихся, наконецъ, прославленіемъ анархической пропаганды дѣйствіемъ, куда я, разумѣется, уже не могъ за нимъ слѣдовать. Направленіе, данное Фольмаромъ цюрихскому Соціаль-демократу, всего ближе подходило къ моей точкѣ зрѣнія и вообще удовлетворяло огромное большинство тогдашнихъ членовъ партіи. Когда Мостъ сдѣлался наконецъ совершенно невозможнымъ, всѣ революціонные элементы партіи сгруппировались вокругъ „Соціаль-демократа“, придавая ему тѣмъ самымъ такое направленіе, которое всего меньше подходило Хёхбергу.

Къ Хёхбергу я навсегда сохраню благодарное чувство за то, что онъ вырвалъ меня изъ узкой глуши австрійскихъ отношеній и открылъ мнѣ широкое поле дѣятельности, ни чуть не стѣсняя моей свободы, не дозволяя себѣ ни малѣйшихъ попытокъ передѣлывать мои взгляды по своей мѣркѣ. Ему же обязанъ я и важнѣйшимъ событіемъ моей жизни, личнымъ знакомствомъ съ Марксомъ и Энгельсомъ.

Это случилось такимъ образомъ:

Вмѣстѣ со Шраммомъ, съ Курти и при участіи Бернштейна, Хёхбергъ составилъ и помѣстилъ въ „Jahrbuch“ статью въ высшей степени несообразную и неумѣстную въ тактическомъ

отношеніи, но имѣвшую достоинство опредѣленности, не допускавшей больше сомнѣній относительно истиннаго характера направленія Хёхберга и его сторонниковъ. Хёхбергу показалось, что обнаружившееся, вслѣдъ за изданіемъ исключительнаго закона, подавленное настроеніе партіи благопріятствуетъ пропагандѣ его воззрѣній. Онъ развилъ въ статьѣ ту мысль, что въ появленіи этого закона не совсѣмъ безвинна и сама партія, что своими грубыми выходками и революціонной фразеологіей она запугала буржуазію, лучшую часть которой ей небходимо привлечь на свою сторону, такъ какъ иначе побѣда немыслима. Отказаться отъ революціонной пропаганды и ограничиться ближайшими задачами было бы лучшимъ отвѣтомъ на исключительный законъ; буржуазія увидѣла бы тогда, какими мы стали умниками, всѣ хорошіе люди пошли бы съ нами рука объ руку, и такимъ образомъ законъ противъ соціалистовъ могъ бы быть устраненъ.

Таковъ былъ основной мотивъ статьи „Взглядъ на прошлое соціалистическаго движенія въ Германіи. Критическіе афоризмы ***“. Она вызвала въ партіи общій взрывъ негодованія. Марксъ и Энгельсъ написали выдающимся членамъ партіи окружное письмо, въ которомъ грозили выступить открыто противъ новаго направленія, если подобные взгляды будутъ проповѣдываться въ органахъ партіи.

Такого пріема своимъ взглядамъ Хёхбергъ, очевидно, не ожидалъ. Вызвать въ это трудное время раздоры внутри партіи было бы для него всего больнѣе. Онъ пересталъ публично высказывать вызвавшіе бурю взгляды и пытался даже убѣдить Маркса и Энгельса въ томъ, что его точка зрѣнія не препятствуетъ совмѣстной работѣ съ ними. Онъ самъ ѣздилъ въ Лондонъ, чтобы разсѣять недовѣріе стариковъ, но потерпѣлъ неудачу. Установить modus vivendi между Лондономъ и Цюрихомъ взялись тогда Бебель съ Бернштейномъ и съ этой цѣлью осенью 1880 года переплыли каналъ.

Ихъ поѣздка не только увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но имѣла также и дальнѣйшія послѣдствія. Она подготовила дружескія отношенія между Энгельсомъ и Бернштейномъ, длившіяся до самой смерти Энгельса, и положила начало правильной перепискѣ между ними по всѣмъ сколько нибудь важнымъ очереднымъ вопросамъ. До тѣхъ поръ эклектикъ, какъ и всѣ мы въ то время, Бернштейнъ былъ такимъ образомъ введенъ въ область послѣдовательнаго и цѣльнаго марксистскаго мышленія, къ которому его, впрочемъ, уже значительно подготовило изученіе Энгельсовскаго „Антидюринга“.

Весною 1881 года Хёхбергъ и меня также отправилъ въ Лондонъ, чтобы поддержать добрыя отношенія со стариками. Я пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, и результатъ получился для меня тотъ же, какъ и для Бернштейна.

Такимъ образомъ мы съ разныхъ сторонъ, Бернштейнъ отъ Дюринга и Хёхберга, я отъ Шёя и Моста, — пришли къ марксизму. Его изученіе и защита сдѣлались нашей общей жизненной цѣлью. При этомъ единствѣ цѣли, самое несходство нашихъ темпераментовъ и различіе пройденныхъ путей лишь помогали намъ дополнить другъ друга и давать при совмѣстной работѣ больше, чѣмъ могли бы мы дать, работая порознь. Это была идеальная дружба, выросшая изъ самаго тѣснаго братства по оружію въ постоянныхъ битвахъ съ внѣшними и внутренними врагами.

Въ послѣднихъ тоже не было недостатка. Послѣдовательный марксизмъ слишкомъ безпокойное ученіе, онъ предъявляетъ мысли слишкомъ много требованій, чтобы овладѣть умами хотя бы только всѣхъ тѣхъ членовъ партіи, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія „Коммунистическаго Манифеста“. Большинство предпочитаетъ эклектизмъ, сложившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Маркса, но сходящійся съ послѣдовательнымъ марксизмомъ скорѣе въ его результатахъ, чѣмъ въ методѣ. А рядомъ съ такими марксистами, въ соціалъ-демократіи всегда встрѣчались также элементы, стоявшіе на совершенно иной теоретической почвѣ и поэтому неизбѣжно приходившіе къ антагонизму съ марксистскимъ мышленіемъ.

Изъ этихъ послѣднихъ лично намъ съ Бернштейномъ всего ближе были Хёхбергъ и его сотрудникъ по знаменитой статьѣ въ „Jahrbuch“, К. А. Шраммъ. Какъ только разсѣялось первое подавляющее впечатлѣніе закона противъ соціалистовъ, и партія оправилась, въ ней опять проявилось раздѣленіе на правую и лѣвую стороны, сперва, главнымъ образомъ, среди эмигрантовъ въ Лондонѣ и Цюрихѣ. Естественно, что мы съ Бернштейномъ самымъ рѣшительнымъ образомъ стали на лѣвую сторону и защищали ея точку зрѣнія въ „Соціаль-демократѣ“, редакція котораго перешла отъ Фольмара къ Бернштейну. Также естественно и то, что Хёхбергъ сталъ направо. При этомъ онъ все болѣе и болѣе отодвигался въ правую сторону, пока не дошелъ до воззрѣній очень сходныхъ съ тѣми, которыхъ придерживаются теперешніе соціаль-націоналисты. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ нѣмецкимъ соціалистомъ, увлекавшимся колоніальной политикой. Та политика, которую мы

проповѣдывали, всюду шла въ разрѣзъ съ его собственной. Такое положеніе становилось нестерпимымъ. Личная дружба съ политическимъ противникомъ возможна, но не тогда, когда приходится сталкиваться съ нимъ на одномъ и томъ же полѣ политической дѣятельности. Ожидать, что Хёхбергъ будетъ снабжать безъ конца самыхъ ярыхъ противниковъ своей политики матеріальными средствами для борьбы съ нею, значило ожидать отъ него какой то сверхчеловѣческой терпимости.

Онъ отнялъ наконецъ у „Соціаль-демократа“ свою субсидію, но отъ этого „Соціаль-демократъ“ только выигралъ, ставъ на собственныя ноги. Онъ уже сталъ необходимъ для партіи и могъ отлично существовать безъ поддержки Хёхберга.

Само собой понятно, что и я не могъ болѣе участвовать въ предпріятіяхъ Хёхберга, которыя къ тому же, въ противоположность „Соціаль-демократу“, одно за другимъ приказывали долго жить, не смотря на самую щедрую матеріальную поддержку.

Весной 1882 г. я распрощался съ Хёхбергомъ и въ 1883 г. основалъ „Neue Zeit“, органъ, который долженъ былъ служить проводникомъ такого же послѣдовательнаго марксизма, какъ и „Соціаль-демократъ“, хотя въ скрытой формѣ, такъ какъ выходилъ подъ режимомъ исключительныхъ законовъ. Кромѣ того онъ предназначался главнымъ образомъ для теоретической пропаганды, тогда какъ „Соціаль-демократъ“ былъ органомъ практической борьбы. Первая полемика въ защиту марксизма завязалась у меня въ 1884 году съ К. А. Шраммомъ, Бернштейнъ помогалъ мнѣ въ „Соціаль-демократѣ“.

Чтобы быть ближе къ Энгельсу, я переселился въ 1885 году въ Лондонъ, гдѣ и прожилъ съ нѣсколькими перерывами до 1890 года. Для меня это были года сильнаго умственнаго наслажденія и вмѣстѣ роста. Въ постоянномъ общеніи съ такой гигантской умственной силой, какъ Энгельсъ, имѣя подъ руками сокровища британскаго музея, я могъ, подъ руководствомъ опытнаго вождя, пуститься въ свою любимую область матеріалистическаго изслѣдованія исторіи. Среди моихъ литературныхъ дѣтищъ — писанные въ Лондонѣ „Томасъ Моръ“ и „Борьба классовъ въ Франціи“ и теперь еще остаются моими любимцами.

Въ 1888 году всѣ лица, участвовавшія въ редакціи и экспедиціи „Соціаль-демократа“, были изгнаны изъ Швейцаріи. Изданіе было перенесено въ Лондонъ. Бернштейнъ былъ теперь съ Энгельсомъ и со мною, наша дружная работа для общаго дѣла должна была, повидимому, пойти лучше, чѣмъ когда либо.

А между тѣмъ именно въ это время подготовлялся тотъ поворотъ, который въ концѣ концовъ долженъ былъ превратить наше тѣснѣйшее товарищество въ рѣзкую вражду. Въ 1890 году законъ противъ соціалистовъ былъ отмѣненъ. Однимъ изъ слѣдствій этой отмѣны было прекращеніе „Соціаль-демократа“ и превращеніе „Neue Zeit“ въ еженедѣльное изданіе, постояннымъ сотрудникомъ котораго сдѣлался Бернштейнъ. Но остаться въ личномъ общеніи намъ не пришлось. Теперь редакція должна была находиться въ Германіи, и я переѣхалъ въ Штутгартъ, Бернштейну-же пришлось остаться въ Лондонѣ, такъ какъ нѣмецкіе суды, если бы Бернштейнъ попался имъ въ руки, слишкомъ сурово выместили бы на немъ грѣхи „Соціаль-демократа“.

Въ то же время совершенно измѣнился и самый характеръ нашей дѣятельности. Продолжать чисто академическія историческія изслѣдованія мнѣ уже больше не приходилось. Если въ качествѣ иностранца я не могъ лично дѣйствовать въ Германіи какъ пропагандистъ или политикъ, то въ „Neue Zeit“, превратившемся въ еженедѣльный органъ, политика взяла верхъ надъ теоріей, и къ нему перешли нѣкоторыя изъ функцій прекращеннаго „Соціаль-демократа“. Самое пребываніе въ Германіи заставляло меня заниматься текущими вопросами; такимъ образомъ, начиная съ 1890 года, моя дѣятельность все болѣе и болѣе отличалась отъ моихъ занятій предшествовавшаго десятилѣтія. Написанный мною первый томъ исторіи соціализма былъ подготовленъ еще въ Лондонѣ; другія же мои книги этого десятилѣтія — „Эрфуртская программа“, „Парламентаризмъ, народное законодательство и соціаль-демократія“, „Аграрный вопросъ“, а также и всѣ статьи посвящены пропагандѣ или полемикѣ по текущимъ вопросамъ, а не изслѣдованію прошлаго.

Той же злобѣ дня — полемикѣ противъ Бернштейна — посвящена къ сожалѣнію и моя послѣдняя книга.

Другой характеръ приняла съ 1890 г. также и дѣятельность Бернштейна. Вмѣсто того, чтобы непосредственно вліять на нѣмецкія отношенія, ему пришлось теперь говорить объ англійскихъ; вмѣсто того, чтобы бороться, пришлось наблюдать. Но онъ воспринялъ отъ марксизма, главнымъ образомъ, философію борьбы, а не философію изслѣдованія. Пока приходилось бороться, марксизмъ служилъ ему путеводной звѣздой, когда же пришлось изслѣдовать, онъ не нашелъ ему примѣненія. Ланге и Дюрингъ снова начали дѣйствовать на его умъ, Хёхберговскія и Малоновскія впечатлѣнія снова проснулись.

Англійская среда способствовала пробужденію этихъ старыхъ склонностей. Англійскій рабочій менѣе всякаго другаго доступенъ соціализму, не по враждебности къ этому ученію, а по отсутствію всякаго интереса къ чему бы то ни было, необѣщающему немедленнаго практическаго успѣха. И наоборотъ, среди англійской буржуазіи гораздо больше элементовъ, склонныхъ въ филантропическому соціализму, чѣмъ среди буржуазіи другихъ странъ. Я приписываю это главнымъ образомъ тому обстоятельству, что громадная часть англійскихъ капиталовъ занята внѣ области англійской промышленности и слѣдовательно не заинтересована въ эксплуатаціи англійскаго пролетаріата. Тому же приписываю я и сравнительно сильное соціалистическое движеніе среди буржуазной интеллигенціи въ Голландіи.

Видя полный неуспѣхъ пропаганды среди рабочихъ, часть англійскихъ соціалистовъ, „Фабіанцы“, взялась за пропаганду среди радикальной буржуазіи. Тактика, выработанная этимъ направленіемъ, имѣетъ много общаго съ той, къ которой въ свое время стремился Хёхбергъ въ Германіи. Именно въ послѣднее десятилѣтіе Фабіанцы сильно повліяли на англійскую соціалистическую мысль, и Бернштейнъ, ставшій съ ними въ близкія отношенія, не могъ избѣжать этого вліянія.

Но пока живъ былъ Энгельсъ, и Бернштейнъ находился подъ обаяніемъ его могучей личности, пока въ самомъ Бернштейнѣ не замерло еще боевое настроеніе, которое двѣнадцатилѣтняя борьба противъ исключительнаго закона довела во всѣхъ насъ до сильнѣйшаго напряженія, вліяніе Фабіанцевъ не могло стать преобладающимъ.

Но боевое настроеніе постепенно замирало. Въ 1895 году умеръ Энгельсъ, и одновременно начался новѣйшій періодъ промышленнаго подъема, внесшій нѣкоторый достатокъ въ болѣе широкій кругъ рабочаго класса.

Какое вліяніе имѣло все это на Бернштейна и какъ отразилось оно на его дѣятельности, — извѣстно всѣмъ. Къ тому же я, какъ его противникъ, принималъ слишкомъ близкое участіе въ этихъ событіяхъ, чтобы пытаться излагать ихъ въ качествѣ объективнаго историка. Какъ бы тамъ ни было, между нами образовалась пропасть, черезъ которую нѣтъ моста. Но это не новый разрывъ, а возобновленіе стараго, существовавшаго уже двадцать лѣтъ тому назадъ.*)

*) Не безъинтересно будетъ замѣтить, что теперешняя позиція Шиппеля тоже не совсѣмъ нова для него. Онъ пришелъ къ намъ черезъ Родбертуса, не освободившись еще отъ разныхъ реакціонныхъ воспоминаній. Въ „Staatswissenschaftlichen Abhandlungen“ Хёхберга за 1881—82 г. имѣется,

Онъ представляетъ собою лишь частное проявленіе основнаго антагонизма между революціоннымъ рабочимъ движеніемъ и буржуазно-филантропическимъ соціализмомъ, сказавшагося еще въ разногласіяхъ между овенистами и чартистами, и съ тѣхъ поръ снова и снова потрясающаго соціалистическое движеніе. Въ совершенно чистомъ видѣ противоположность этихъ двухъ направленій рѣдко проявляется въ настоящее время, перекрещиваясь обыкновенно со множествомъ другихъ теченій. Съ измѣненіемъ вещей и теорій она принимаетъ различныя формы, но тѣмъ не менѣе ее всегда можно прослѣдить какъ основу нашихъ партійныхъ столкновеній.

Изъ этой же основной противоположности вытекаетъ, мнѣ кажется, и наше столкновеніе съ Бернштейномъ. Онъ смотритъ на дѣло иначе, но я считаю свой взглядъ не только болѣе вѣрнымъ, но и единственнымъ вносящимъ примиряющій моментъ въ нашъ болѣзненный разрывъ. Я вижу въ немъ борьбу не лицъ, а міровоззрѣній. Какъ представители противоположныхъ міровоззрѣній, мы боремся и должны бороться, но наши непримиримыя точки зрѣнія не нами выдуманы, существовали до насъ и, вѣроятно, переживутъ насъ.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что съ первыхъ же шаговъ моей партійной дѣятельности я боролся въ нашей партіи со всѣмъ тѣмъ, что обозначается въ настоящее время словомъ: бернштейновщина. И все, что я узналъ, все что пережилъ за четверть вѣка моей партійной дѣятельности, лишь утвердило меня на моей точкѣ зрѣнія. Многое, правда, произошло иначе, чѣмъ я ожидалъ. Путь къ нашимъ идеаламъ оказался и длиннѣе и тернистѣе, чѣмъ рисовался онъ мнѣ при радостномъ освѣщеніи первой юности. Но когда я измѣряю наши пріобрѣтенія не мѣркою своихъ желаній, своей короткой индивидуальной жизни, когда я смотрю глазами историка, а не борющагося индивидуума, взглядъ на истекшую четверть вѣка наполняетъ меня гордой увѣренностью, что за это время мы значительно приблизились къ нашей цѣли.

напримѣръ, его статья во славу биметаллизма. Въ Берлинѣ онъ заразился постепенно воинственнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ во времена исключительнаго закона, и дошелъ до радикализма, граничившаго съ анархизмомъ. Цюрихско-Лондонскій „Соціаль-демократъ“ былъ для него недостаточно радикаленъ. Послѣ паденія исключительнаго закона этотъ радикализмъ началъ постепенно гаснуть, вспыхнувъ въ послѣдній разъ въ 1895 г. въ Бреславлѣ. Нянчанье со всякими реакціонными штуками снова сдѣлалось за послѣднее время его любимымъ занятіемъ.

L'on revient toujours à ses premiers amours.

Тоже своего рода діалектика.

Когда я вступалъ въ партію, она была еще горстью мечтателей, теперь она повсюду является политической силой перваго разряда. Если общій политическій и соціальный прогрессъ не былъ такъ же быстръ, какъ ростъ нашей партіи, если именно за послѣднюю четверть вѣка онъ находился скорѣе въ застоѣ, то причина этого застоя никакъ не въ недостаточномъ развитіи соціальдемократіи, а въ регрессѣ буржуазной демократіи. Эта послѣдняя предоставила намъ справляться со всѣми реакціонными силами, которыхъ не могла побѣдить.

Но именно поэтому настоящее и не можетъ быть временемъ уже установившагося мирнаго развитія, а лишь подготовительнымъ періодомъ къ громадной соціальной и политической борьбѣ.

Дожить до этихъ великихъ, рѣшающихъ битвъ и встрѣтить ихъ способнымъ къ борьбѣ и радостно идущимъ въ бой борцомъ, — таково мое самое горячее желаніе.

К. Каутскій.